

СЛЕЗА
БЕЛЛАДОННЫ

Ария Янтарь

Ария Янтарь
Слеза Белладонны

«Автор»

2026

Янтарь А.

Слеза Белладонны / А. Янтарь — «Автор», 2026

Меня зовут Силенка. Иммуниет к ядам - это не дар и не гордость, а память о голодном детстве, когда единственной едой были гнилые корни. Я потеряла семью и единственного друга, который научил меня читать. Меня спасли, продали, пытали и заставили стать той, кем я не являюсь. Сегодня я - мёртвая княжна и главная приманка для того, кто охотится на мою новую семью. А завтра... завтра я, возможно, отравлю наследника, украду лекарство из-под носа советника или просто сбегу. И да, белые волосы мне совсем не идут. Но в вуали это не так заметно.

© Янтарь А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ария Янтарь

Слеза Белладонны

Глава 1

*Если бы мне раньше кто-то сказал, что я – нищенка
из сгоревшей деревни – буду жить во дворце,
то, вероятно, я бы посчитала этого
человека умалишённым.*

Проснувшись утром, я оказалась... Понятия не имею, где. Потолок был высокий и белый, с какими-то узорами по краям. Так вычурно, что я на мгновение даже растерялась. В амбаре я смотрела лишь на гнилые доски и солому, которая сыпалась на лицо. А здесь всё так гладко, чисто, и пахнет не омерзительно, а чем-то сладковатым, вроде сушёных яблок.

Я села, и подо мной закричала кровать... Господи, да она огромная! С резными столбиками по углам и балдахином из зелёной ткани. Но что это? На мне была грязная, рваная рубаха, а сейчас качественная ночнушка. Белая, мягкая и пахла лавандой.

– Но кто меня передел? – сказала я вслух, и голос прозвучал неожиданно испуганно.

Я огляделась. Комната была большая... Больше всей нашей избы в Кленовке. На полу лежал толстый ковёр с какими-то красными цветами. В углу стоял шкаф из тёмного дерева, а у окна – столик с кувшином и тарелкой, накрытой салфеткой. Окно было зашторено, но сквозь щель пробивался солнечный свет.

Дверь открылась без стука, и на пороге показались две девушки. Обе в простых серых платьях и белых передниках, на головах – косынки. Та, что пониже ростом, с чёрными блестящими волосами, выбивающимися из-под косынки, шагнула вперёд и присела. Это тот самый реверанс из книжек?

– Проснулись, барышня? – спросила она голосом быстрым и звонким. – А мы уж думали, Вы до обеда проспите.

Я? Барышня? Ну ничего себе... Вторая, девушка повыше, молча кивнула и принялась поправлять шторы.

– Кто меня передел? – повторила я уже им.

Чёрненькая девушка вдруг улыбнулась. Её звали Мира, я прочитала это на маленькой бляшке на её поясе.

– Мы, барышня. Вы в таком виде были... Принц велел привести в порядок. Вы не сердитесь, мы аккуратно, ничего не украли.

Я удивлённо моргнула. «Украли»? У меня нечего было красть. Но я промолчала. И только сейчас в голове начали сходить воспоминания. Торговцы людьми, фонтан, нападение... Да я же во дворце сейчас!

– Тут завтрак Вам оставили, – Мира кивнула на столик. – Хлеб с мёдом и молоко. Принц Элиас велел передать, что навестит Вас, как проснётесь.

– Какой принц? – спросила я. Голова всё ещё отказывалась работать.

– Элиас, второй принц, – охотно пояснила Мира. – Это он Вас на руки подхватил, когда Вы упали в обморок. Красивый, правда? Хотя глаза у него – мурашки по коже. И не моргает никогда. Жуткий, но я б за такого пошла, если б он только посмотрел...

– Мира! – шикнула на неё вторая служанка.

– А что? – не смутилась Мира. – Я при барышне, она своё не выдаст.

Я не знала, что такое «своё не выдаст», но решила, что лучше быть с этой Мирой в хороших отношениях. Она болтала без умолку, хотя болтовня её была какой-то беззлойной. Но

ведь меня вёз наследный принц со сложным именем, а не Элиас. Почему тогда... Ах, он же был ранен. Вероятно, Элиас взялся ухаживать за мной, пока другой блондинчик лечит раны.

Придя в себя, я откусила хлеб и сделала глоток молока. Молоко было густое, с пенкой, как у нас в Кленовке до того, как... У меня зашипало в носу от воспоминаний о доме, но я сдержалась, не заплакала. Чтобы отвлечься, я накинулась на завтрак. Всё же столько времени без нормальной еды дали о себе знать.

А когда я отодвинула тарелку, дверь снова открылась. И тоже без стука. Надо же, у них это, видимо, в порядке вещей.

Вошел мальчик. Я сначала даже и не узнала его – в чистой одежде, без грязи и крови. Но потом посмотрела в глаза. Светло-серые, на свету почти прозрачные. И взгляд тот же – немигающий, спокойный.

Элиас. Второй принц.

На нём был тёмно-синий камзол, простой, без вышивки, и светлая рубашка. Белое каре лежало ровно, и было аккуратно подстрижено. Под глазами залегли красноватые тени, будто он не спал несколько ночей. Он разминал пальцы правой руки – на них я заметила тёмные пятна. Чернила. Видно, занимается дворцовыми делами всякими, пока блондинчик отдыхает.

– Ты проснулась, – сказал он, не ожидая моего подтверждения.

– Да, – ответила я и вдруг поняла, что не знаю, как разговаривать с принцами. Надо было кланяться? Падать на колени? Мира перед ним не присела, значит, может, не надо? Так что я просто осталась сидеть на кровати.

Элиас подошёл к окну и чуть отдёргнув штору, посмотрел во двор. А затем в пол-оборота повернулся ко мне:

– Как себя чувствуешь?

– Нормально, – сказала я. – Голова немного кружится.

– Тебя осмотрит лекарь позже. – Он снова прошёлся по мне жутким взглядом, отчего я отвела глаза первой. Не выдержала. – Ты молодец. Не все дети в такой ситуации соображают, как ты.

Я промолчала. Как реагировать на похвалу от принца?

– Тебе стоит навестить брата, – продолжил Элиас. – Мира проводит к нему.

Он кивнул Мира, та засуетилась и подала мне платье – серое, шерстяное, и *такое* мягонькое, что я невольно обняла саму себя.

– Вот видите, какой он? А Вы говорите. – Протараторила Мира, когда дверь за принцем захлопнулась, и его шаги отдалились по коридору.

– Я ничего не говорила.

И это правда. Если бы я сказала, что думаю о них всех – меня бы, наверное, казнили уже.

Коридоры дворца были длинными и запутанными. Я шла за Мирой и старалась запоминать повороты: направо, налево, снова направо, мимо портретов в золотых рамах, мимо высоких окон с цветным стеклом. На одном из портретов был изображён мальчик с белыми волосами, собранными в косу, и в очках. Похож на Элиаса, но старше и с улыбкой, от которой мне стало не по себе.

– Это наш наследный принц, Сильвиан, – шепнула Мира, заметив мой взгляд. – Красавчик, правда? Только говорят, у него характер – будь здоров. Зато как улыбнётся – все девки млеют.

– Это он спас нас от торговцев...

– Ну да, они с братом сами повели людей. Вроде бы они уже давно пытались выйти на коррумпированных Вандергольфов, да не за что было прицепиться. А тут такой шанс представился... Говорят, принц Сильвиан чуть не погиб там. – Мира перекрестилась. – А Вы, барышня, говорят, записку подкинули. Это правда?

– Правда, – ответила я, пытаюсь понять, как такую болтушку оставили служить во дворце. Мира посмотрела на меня с неким уважением или даже восхищением, и мы остановились перед приоткрытой дверью. Изнутри слышалось тихое посапывание. Мира хотела постучать (тут всё же принято стучать, оказывается), но я уже заглянула в щель.

Кабинет был большой, заваленный бумагами. На столе горела лампа, хотя за окном было светло. В кресле, откинув голову на спинку, спал наследный принц, чьё имя я вечно забывала.

Волосы его – длинные, белые, заплетённые в толстую косу – свисали через подлокотник. Очки съехали набок, одна дужка зацепилась за ухо. Он спал с открытым ртом и слегка похрапывал. Интересно, что мне будет за то, что я застала будущего правителя в таком виде? Но зрелище, конечно, забавное. Я еле сдержалась, чтобы не засмеяться. На столе перед ним лежала карта – изрисованная, в пятнах, и стопка листов, исписанных мелким почерком.

Рядом с креслом стоял мужчина с интересной особенностью – у него был разный цвет глаз: карий и серо-голубой. Каких только чудес на свете не бывает... Кайден – я запомнила имя, когда Мира болтала по дороге. Сейчас он не перебирал монету, а просто стоял, скрестив руки, и смотрел на спящего принца. На его лице не было ни усталости, ни сна. Только ожидание.

Кайден поднял глаза на меня и резко приложил палец к губам. Потом шёпотом произнёс, но так, чтобы я услышала:

– Приносим извинения. Принц всю ночь провёл за работой.

Я кивнула, не зная, что ответить. Раненый, но всё равно работал всю ночь? Хотя ладно, мне его не жалко. Он ведь смотрел, как погибает моя деревня и ничего не сделал.

Мира осталась в коридоре, не решаясь войти. А меня пропихнула вперёд, отчего я споткнулась и чуть не упала. По взгляду служанки стало понятно, что на моём лице благодарность не читалась. Пол под ногами был каменный, холодный. Я сделала несколько нерешительных шагов и остановилась посреди кабинета. Принц не просыпался.

Тогда Кайден тихо кашлянул в кулак, и склонился к нему.

– Ваше Высочество, – сказал он вполголоса. – Та девочка пришла.

Сильвиан вздохнул во сне, и, наконец, пошевелился. Потом открыл глаза и сразу улыбнулся. Улыбка была яркая, блестящая, совсем не похожая на его сонное лицо. Он поправил очки, сел ровнее и потёр раненое плечо.

– А, наша героиня, – сказал он голосом хриплым, но в нём уже звучала та самая нотка, от которой, наверное, «все девки млели». – Подойди.

И я подошла. Не знала, куда деть руки, поэтому просто сложила их перед собой, как делала Анна, когда разговаривала со старостой.

– Ты как? – спросил он неожиданно, оглядывая меня.

– Спасибо, хорошо, – я старалась не смотреть на меч, который висел на стене за его спиной. Тот самый меч. Орёл на гарде. Я узнала его сразу, и внутри вмиг похолодело.

– Я тебя уже спрашивал раньше, но ты тогда упала в обморок, – усмехнулся он, хотя я в той ситуации забавного ничего не видела. – Какую награду желаешь?

В моей голове зашумело. Награда. Деньги? Дом? Свобода? Нет... «Единоличница», как сказала бы мама. Тогда я подумала о детях, с которыми сидела в амбаре. О Софи, Миле, Андреасе. О тех, кого мы оставили.

– Помогите детям, – сказала я. – Которых спасли. У них никого нет. У Софи только родные есть. Может Вы...

Сильвиан поднял бровь. Улыбка стала чуть менее яркой, но не исчезла.

– Хм, как благородно, – перебил он. – Не волнуйся. Все дети уже отправлены в приют. Лекарь их осмотрел, накормили, одели. Твоя подруга рыженькая и есть Софи? Она отказалась уходить. Изъявила желание смотреть за приютом.

Я выдохнула. Отлично, Софи в безопасности. И остальные – тоже.

– Спасибо.

– Не благодари, – он отмахнулся здоровой рукой, а после снова схватился за плечо. – Это наш долг. – Он помолчал, а затем полез в стол и достал оттуда маленький исписанный листок. Тот, что я положила под камень. – Это ты написала?

– Да.

– Как ты научилась писать? – спросил он. Но в голосе не было подозрений, а скорее тоже любопытство. – В деревнях детей не учат грамоте.

– Один мальчик научил. Друг мой.

– А откуда узнала про Вандергольффов? Что это они стоят за торговцами? – Он положил листок на стол и посмотрел на меня сквозь очки.

Я вспомнила ту ночь в амбаре, Бальтазара, который бормотал в темноту. Его страх перед «верхами». Его слова.

– Бальтазар боялся их. Говорил, что если он будет бесполезен Вальдер... Хм, Ванер... – ну не могла я выговорить их фамилию, и что теперь? Блондинчик на это улыбнулся, обнажая зубы, что меня ещё больше разозлило. – В общем, эти дворяне убьют его, если он станет бесполезен, или избавятся от него, потому что он слишком много о них знает.

Сильвиан кивнул, что-то про себя обдумывая.

– Сообразительная девочка, – заметил он, а я почувствовала, как к щекам приливает жар.

– Книги. Я много читала.

– Ладно. Ступай. Скоро за тобой приедут. Я нашёл тебе семью – хорошие люди, небогатые, но приютят.

Семья. Хорошие люди. Бедные. Опять бедные. Опять спать на лавке, хлебать пустые щи, мёрзнуть и считать каждую копейку. Внутри меня всё сжалось от отчаяния, но я не подала виду. Кто я такая, чтобы перечить принцу?

– Спасибо... Ваше Высочество, – сказала я и повернулась к выходу.

Выходя в коридор, я вдруг столкнулась с девушкой.

Она шла быстро, с подносом в руках. Я не успела отскочить, и мы ударились плечами, поднос накренился, чайник звякнул. Девушка охнула и начала падать, а я схватила её за руку, чтобы удержать.

– Осторожно.

Девушка выпрямилась. Молодая, со светлыми волосами, убранными под косынку. Она посмотрела на меня с испугом и досадой, ведь чуть не уронила, хозяева бы наругали.

– Простите, барышня, – пробормотала она и поправила поднос.

Я отпустила её руку и почувствовала на своей ладони что-то жёсткое. Мозоли. Не такие, как у меня после работы в поле. У неё они тонкие, но плотные, на подушечках пальцев и у основания ладони. Такие мозоли я видела у Рика, когда он сжимал свой нож. У человека, который много держит оружие.

Я обернулась. Сильвиан сидел в кресле, растирал плечо, не глядя на нас.

«Пусть убьёт его, – пронеслось в голове. – Из-за него я лишилась семьи и дома. Из-за него мама и папа сгорели. Если она его убьёт – я буду свободна».

Но я не знала ведь всей правды. Может, он стоял на той скале, но не он отдал приказ. Может, он вообще не знал, и оказался рядом. Может, из-за него, а может, нет.

Девушка тем временем уже вошла в кабинет и поставила поднос на стол. Сильвиан протянул руку к чашке. Вероятно, она не желает травить его сейчас... Рядом ведь слуга принца. А значит, или она ждёт подходящего момента, или здесь просто все слуги обучены бою... Нет, у Миры, допустим, нет мозолей таких.

Тогда я шагнула за ней, увидев, что принц обратил на меня внимание. Я ведь всё это время стояла около порога.

– Не жалеете Вы своих слуг, принц, – сказала я, на что он удивлённо поднял брови. Девушка же замерла с чайником в руках. Вероятно, стоит на всякий случай и от него избавиться... Мало ли, решила убить блондинчика, пожертвовав собой.

Я подошла к ней ближе, делая вид, что споткнулась о ковёр, и задела её локоть. Поднос полетел на пол. Чайник разбился, и чашка покатила в угол. Горячая вода разлилась по каменным плитам.

– Ой, простите! – воскликнула я громко, перекрывая звон. – Такая неуклюжая. – Я взяла девушку за руку, сжала её ладонь, показывая мозоли уже нарочно всем. – Кстати, я читала где-то рецепт от мозолей. Пока я ещё здесь, приготовлю его для тебя.

Девушка отдернула руку. Её лицо переменилось – испуг исчез, и на его месте проявилась злость. Значит, угадала.

Сильвиан понял быстрее, чем я успела моргнуть.

Он вылетел из кресла – даже раненый двигался быстро. Схватил меня за плечо и отшвырнул в сторону. Я ударилась спиной о стену, охнув от боли в лопатках. В ту же секунду Кайден уже оказался рядом с ним. В его руке сверкнуло что-то тонкое и острое – металлическая струна, натянутая между пальцами. Какое необычное оружие...

Девушка рванулась к двери, но Кайден перекрыл ей путь. Струна легла служанке на горло.

– Не шевелиться, – сказал Кайден тихим голосом.

В кабинет вбежали стражники – Мира, наверное, услышала грохот и позвала.

Девушка оскалилась. И не на стражников, а на меня. Тут уже в голове стали всплывать всевозможные молитвы, чтобы только стражники смогли её удержать от меня подальше.

– Ты, маленькая дрянь, – прошипела она. – Из-за тебя...

– Уведите, – сказал принц, растирая плечо. Лицо у него было бледным, но улыбка вернулась. – Живую. Пока.

Стражники схватили девушку под руки и выволокли. Оскорбительные выкрики стихли за поворотом.

Кайден убрал струну в рукав и повернулся к принцу.

– Племянница слуги Советника, – сказал он. – Не зря подозревали её.

– Прелестно, – сказал Сильвиан. – Ещё одна. Иди, разберись, кто её устроил. Может, ещё на кого выйдем.

Кайден кивнул и бесшумно исчез.

Я всё ещё сидела у стены, прижимаясь спиной к холодным камням. И только сейчас у меня затряслись колени от страха. Что же я творю?! Спасла возможного убийцу семьи... Так ещё и сама чуть не погибла!

Сильвиан посмотрел на меня и вдруг рассмеялся – звонко, громко, запрокинув голову. Я даже не знала, как реагировать на это...

– Как же мне снова благодарить тебя? – сказал он, отсмеявшись. – Ты уже второй раз помогаешь. Сначала запиской, теперь этой... случайностью.

Я поднялась и отряхнула платье. Губы дрожали, но я сжала их, обдумывая свой ответ.

– Не за что, – единственное, что смогла выдать я.

– Иди. Отдыхай. Скоро твои новые родители придут.

Новые родители. *Опять.*

Я вышла в коридор, где ждала меня Мира, бледная как полотно.

– Что там... – начала она.

– Потом, – сказала я и не оглядываясь пошла обратно.

Если меня отдадут в бедную семью, я опять буду голодать. Опять буду никем. И никогда не узнаю, почему он стоял на той скале. Почему мой дом сгорел. И виноват ли он вообще.

Я остановилась и повернулась к Мире:

– Его ещё можно увидеть?

– Принца? – Мира округлила глаза. – Ну, наверное... если попросить...

И я бегом вернулась. Платье было непривычно тяжёлым и сдавливало грудь, но я не обращала ни на что внимание. Сильвиан сидел на подоконнике, пил чай из другой чашки – так быстро принесли новую... Увидел меня и вопросительно поднял бровь.

– Прошу Вас, – сказала я, подходя ближе. И тут же опустилась на колени. Пол был влажный от пролитого чая, но и это волновало меня меньше всего. – Не надо мне семьи. Я хочу остаться здесь.

– Что? – он отставил чашку.

– Я не хочу жить в бедности, – сказала я прямо, кривясь на последнем слове. – Я могу работать. Читать, писать, считать, знаю травы и могу лечить. Бальтазар меня брал с собой на сделки. Я точно пригожусь Вам.

Сильвиан молчал, и тогда в проёме двери показался Элиас. Он шурился со сна, волосы растрепаны, и под глазами – всё те же тени. Наверное, отсыпался за бессонную ночь, но и это не помогло восстановиться.

– Брат, ты в порядке? Я слышал, тут... – Он замолчал, оглядывая меня, сидящую на коленях. – Что происходит?

Сильвиан слез с подоконника и подошёл ко мне, глядя сверху вниз.

– Да вот, – сказал он как будто между прочим, – нашёл тебе интересную игрушку. Служанкой быть хочет.

Элиас перевёл внимание с брата на меня и взгляд его серых глаз вдруг потеплел.

– Встань, – сказал он и протянул мне руку и помог подняться. Его пальцы были холодные и пахли чернилами. – Ты уверена, что хочешь этого? Возможно, ты тоже будешь подвергаться опасностям из-за меня.

– Уверена, – не задумываясь ответила я.

Элиас усмехнулся – первый раз я видела от него что-то похожее на улыбку.

– Ну что ж. Добро пожаловать во дворец, Силена.

Я отпустила его руку и потянулась к волосам, чтобы поправить платок Марты. Но на месте его не оказалось, и я только сейчас это заметила... Элиас коснулся моей поседевшей пряди и поднёс её к губам.

– Не нужно больше прятать, ведь она прекрасна. – Прошептал он, и сердце вдруг забилось чаще. Мои глаза расширились от неожиданной близости, и я снова покраснела! Не сказала бы, что седые волосы в десять лет – что-то прекрасное, но он в чём-то прав – стыдиться пережитого нельзя.

Глава 2

Из личного дневника Силены.

Я родилась в апреле, когда земля только начинала оттаивать, а в оврагах ещё лежали грязные клочья снега. Матушка рассказывала: я появилась на свет с криком таким звонким, будто хотела перекричать всех петухов в округе. И с тех пор, говорила она, не замолкала ни на день.

Отец, Ефим – коренастый, с вечно пахнущими землёй руками и редкой рыжеватой бородой – называл меня своей «трещоткой». Руки у него были грубые, в мозолях, но когда он вырезал ложки, чинил соху или строгал игрушку, они двигались с такой аккуратной уверенностью, что я могла смотреть часами.

Матушка Акси́нья же высокая, худая, с каштановыми, как у меня, волосами, но вечно усталыми глазами – работала от зари до зари: дом, огород, ткацкий станок. Ткала она для продажи в город.

Жили мы бедно. Эх, нет, даже очень бедно. Щи варили из крапивы и лебеды с одной картофелиной на всю семью. Лапти снашивались за неделю, а новые плетёшь было не из чего. Зимой спали одетыми, укрывались старой овчиной, но всё равно мёрзли. Только я не знала другой жизни. Да и почти все в деревне жили так же.

Наша Кленовка стояла у холма, что спускался к реке Снежной. Весной она разливалась так широко, что тот берег казался другой землёй. Избы лепились друг к дружке – покосившиеся, с почерневшими от времени стенами, с соломенными крышами. Мыши проедали в соломе дыры, и каждую осень хозяева лезли латать их. Только у старосты, у попа да у двух зажиточных семей были дома добротные – с досками вместо соломы, с железными петлями на воротах. Остальные, как мы, теснились в избах, где одна комната была и кухней, и спальней, и столовой, и даже мастерской.

Когда мне было года четыре, я съела во дворе какие-то ягоды. Матушка потом говорила – волчье лыко¹, она его вырвала и бросила, а я нашла. Три дня меня отпаивали молоком, углём и молитвами. Я выжила. И после этого отец заметил: меня не берут никакие «нехорошие» травы. Поганку в лесу схватила, пока никто не видел, – даже живот не свело. Соседка Марта тогда сказала матушке: «Одарённая девочка у тебя, Акси́нья. Голод сможет пережить». Матушка крестилась и плевала через левое плечо. А я запомнила.

Марта жила на краю деревни, в самой ветхой избушке – прямо у леса. Мужа у неё не было: умер от чахотки ещё до моего рождения. Детей бог не дал. Так и жила одна, с курами и толстым ленивым котом, которого будто в золе вывалиляли.

Марта приходила к нам, когда у меня резались зубы – я орала так, что отец затыкал уши и уходил в сарай. Приносила какие-то тряпицы с настоящими травами, прикладывала к дёснам – и боль уходила, будто рукой сняло. Она же вылечила матушку, когда та заболела грудью. Корова тогда захворала, молока не стало, а матушка на морозе работала, простудилась и стала сильно кашлять. Марта принесла корень девясила и мать-и-мачеху, заварила – и за две недели поставила на ноги.

Откуда она всё это знала – никто не ведал. Сама Марта говорила: «Деды учили, бабки учили». Читать она не умела. Да и кто из нашего люда умел? А вот каждую траву называла по имени, как соседа. И не только травы. Знала, когда гриб червивый внутри, а когда чистый – хоть снаружи они одинаковые. Знала, где искать корень женьшеня, тот самый, что в городе за серебро продавали.

¹ Волчье лыко (волчегодник обыкновенный) – ядовитое растение.

Я любила к ней ходить. В её избёнке всегда пахло сушёной мятой, зверобоем, чабрецом. Пучки трав висели под потолком, на печке, на стенах – везде. Марта сидела за столом, согнутая, с натруженными, синими от вен руками, и перебирала корешки, соцветья, листья. На голове – домотканый платок, серый, в коричневую клетку, выцветший до дыр. Из-под платка выбивались седые пряди. А самой Марте было всего сорок, не больше. Но жизнь её состарила раньше времени.

– Опять пришла, стрекоза? – встречала она меня своим шершавым голосом. – Тёте некогда, тётя корни сушит.

– А я помогу! – пищала я, карабкаясь на лавку.

– Ты и помогаешь, – усмехалась она. – Весь мох перевернула, половину трав перемешала.

– А что это? А это? А это ядовитое? А это от чего? А почему листья жёлтые, а должно быть зелёное? А если съесть – умрёшь быстро или долго мучиться?

Она терпеливо отвечала на каждый вопрос. Поправляла мои непослушные руки, чтобы я не положила не туда, куда не надо.

– Это, Силена, белена². Её если съешь – сначала плясать будешь, будто бес вселился, а потом уснёшь и не проснёшься. Запомни: листья мягкие, липкие на ощупь, с неприятным запахом. Не трожь.

– А это?

– Это дурман³. Его у нас нет, он южнее растёт, но корни его привозят торгоши. Если настоишь – человека в сон вгонишь глубокий, а то и смертный. Тоже не трожь.

– А зачем они вообще нужны, дурные травы?

Марта смотрела на меня поверх очков – смешных очков в железной оправе, которые она надевала только для самых мелких работ – и вздыхала.

– Ты запомни мои слова: злое сердце отравит и добрая трава. А доброе сердце даже из отравы лекарство сделает.

Я кивала, хотя и совершенно ничего не понимала.

² Белена чёрная (лат. *Nyoscyamus niger*) – ядовитое растение.

³ Дурман – ядовитое растение. Все его части содержат алкалоиды, которые оказывают нейротоксическое действие.

Глава 3

– Вставайте, бары... ой... ну... Доброе утро, – Мира стояла надо мной, заспанная, с нечесанными волосами, торчащими из-под косынки. – Принц Элиас велел поселить Вас в какую-то из комнат для прислуги, в его крыле. Идёмте, я провожу и всё расскажу.

Комната для прислуги оказалась маленькой каморкой на первом этаже, с низким потолком и узким окном под ним. Кровать – деревянная, с тонким тюфяком, набитым соломой. Стол, стул, свеча. И всё. Никаких тебе ковров, никаких балдахинов. Я села на край кровати, и она жалобно скрипнула. Эх, как же быстро привыкаешь к роскоши, и как тяжело потом с ней прощаться.

– Это Вам, – Мира положила на стол свёрток. – Форма. Тут, в общем... Две рубахи, юбка, передник и косынка. Носите аккуратно, новые дадут только через год.

– А работать где буду? – спросила я, разворачивая свёрток. Ткань была грубая, серая и невзрачная, но хотя бы чистая.

– При втором принце, – Мира понизила голос. – Только Вы... это... не обижайтесь на него. Он со всеми такой.

– Какой?

– Ну... – она замялась, подбирая слова. – Неласковый. Скажет что надо, и всё. Может полгода не разговаривать, кроме приказов. К нему и подойти лишний раз страшно. Но Вы не бойтесь. Главное – делайте свою работу и не лезьте в душу.

Я и не собиралась, честно говоря. Плевать мне как-то на него. От принцев вообще ничего не надо было, кроме одного – я хочу читать. Мира сказала, что во дворце есть библиотека. И что слугам туда ходить не запрещено, но и не разрешено. Если никто не увидит – можно. Уже так давно в руках книгу не держала... Господи, неужели я скоро смогу снова почувствовать их запах?... Услышать шелест страничек.

– Зачем Вам книги? – удивилась Мира.

– В них – жизнь моя.

Уверена, она ничего не поняла, но и спорить не стала.

Первые месяцы были ох какими тяжёлыми.

Я вставала затемно – задолго до того, как в коридорах зажигали свечи. Моя работа: убрать в комнатах принца, принести дрова для камина, подать завтрак, обед и ужин, перестирывать бельё, почистить сапоги, натаскать воды... От одного перечисления плакать хочется. И ведь никогда нельзя сказать, что «я закончила». Потому что завтра придётся делать то же самое, и так каждый день. Элиас жил в восточном крыле, в трёх комнатах – спальня, кабинет и маленькая гостиная. Всё это я должна была содержать в идеальной чистоте.

Он почти не смотрел на меня, неблагодарный гад.

– Доброе утро, Ваше Высочество, – говорила я, входя с подносом.

– М-м-м, – отвечал он, не поднимая глаз от бумаг.

Я ставила поднос, убирала вчерашнюю посуду и выходила.

Иногда он отдавал приказы, даже не поворачивая головы.

– Подмети здесь, – бросал он сквозь зубы, указывая пальцем на пол, где я только что подметала.

– Принеси ещё дров.

– Эта рубашка плохо выглажена. Переделай.

Он не кричал. Не унижал. Он просто... не замечал меня. Как мебель. Как стул или стол.

Я злилась. Очень злилась. Внутри всё кипело, но я стискивала зубы и делала. Потому что решила: я здесь не просто так. Нужно узнать правду, да и я прячусь от бедности здесь. А для этого нужно быть терпеливой.

Однажды вечером засиделась в библиотеке.

Мира не соврала – библиотека была огромная! Тысячи книг, от пола до потолка, с лестницами, с кожаными креслами и картами королевства. Пахло там воском и старыми страницами – этот запах я полюбила сразу, как только переступила порог.

По ночам туда почти никто не заходил. Старый библиотекарь, сгорбленный дед с седой бородой, спал в своей каморке и не обращал внимания на девочку, которая пряталась в дальнем углу между стеллажами. И спасибо ему за это, дай Бог здоровья и всего остального.

Я читала всё, что находила. Сначала сказки – по старой памяти. Потом хозяйственные книги – чтобы не забыть то, что знала. Потом исторические хроники, трактаты по ботанике, медицинские справочники, экономические отчеты. Вот это меня потянуло, конечно...

Я не всё понимала. Многие слова были незнакомыми. Но я запоминала, перечитывала по три раза, искала смысл в других книгах. Моя голова была как губка – впитывала всё без разбора, а потом раскладывала по полочкам.

В ту ночь я читала про налоги. Скучно, нудно, но вдруг попало что-то интересное: старый указ о соляном налоге, с пометками на полях. Почерк был незнакомый, но такой красивый – размашистый, с завитушками.

Уже зевая, я решила уйти обратно, но вдруг услышала шаги. Кто-то шёл по главному залу, и явно направлялся сюда.

Я замерла за стеллажом, и сердце забилося от страха – вдруг это один из стражников, и меня выгонят, а то и накажут.

Но в проходе показался Элиас.

Он был без камзола, в одной рубашке, расстёгнутой на груди. Белые волосы растрепаны, а под глазами – чёрные тени. Он не спал. Опять.

Принц прошёл мимо моего стеллажа, не заметив меня, и остановился у окна. Стоял, смотрел на луну.

Я затаила дыхание. Надо было уйти, пока не увидел. Но ноги не слушались. Взгляд его блуждал по небу, сопровождаясь тяжёлым вздохом. Я смотрела на него и вдруг поняла: а ведь не страшный. Не холодный, каким кажется. Просто очень одинокий. Доверять кому-то ему нельзя, ведь легко может попасть в засаду. В столь юном возрасте он уже не спит ночами, перебирая стопки бумаг. Уверена, он и не знает, каково это – играть с друзьями во дворе, лазить по деревьям...

Он простоял так минут десять, а потом повернулся и, покачиваясь от усталости, просто ушёл. Чего он хотел?.. Побывать в тишине? Или не желал, чтобы его видели в таком подавленном состоянии? В любом случае, я сохраню это в тайне, и не стану обсуждать даже с Мирой.

С тех пор я старалась быть в библиотеке тише воды, ниже травы. Но иногда чувствовала, что он знает о моих приходах сюда. И позволяет это.

Через полгода он первый раз заговорил со мной не как со стеной.

– Силена, – сказал он, когда я ставила на стол чайник. Я даже вздрогнула, ведь он редко называл меня по имени. Но от выкрика «Да неужели!» я себя всё-таки сдержала.

– Да, Ваше Высочество?

– Эта трава... – Он кивнул на чашку. – Ты её добавила. Какая?

Я замерла. Он заметил. Я клала в чай мялису, потому что читала, что она успокаивает и помогает от бессонницы. Думала, он не поймёт. Неужели решил, что отравить удумала?

– Мелисса, – ответила я. – От головной боли и тревоги.

Он смотрел на меня долгим немигающим взглядом. Я уже привыкла к этому, но всё равно стало не по себе. Попытка отравления принца карается смертной казнью! В голове стали всплывать образы меня у гильотины, или сидящей в темнице до самой старости... Боже, старость – это же так долго! Руки нервно задрожали, и я уже прокляла раз десять своё желание добавить мелиссу в чай. Но он вдруг кивнул и отпил его, больше ничего не сказав. Я замерла, боясь даже пошевелиться, и вмиг ощутила всем телом волну мурашек, а после – облегчение. Жить здесь = ходить по лезвию меча каждый день, но безбедная жизнь с книгами того явно стоит.

К слову, с того дня я продолжала добавлять травы в чай. И он продолжал пить, уже зная о них. Доверял, значит.

Слух, что у Элиаса появилась новая личная служанка, быстро разнёсся по дворцу. И отношение ко мне было... *разное*.

Младшие слуги шептались за моей спиной. Старшие смотрели свысока – девчонка из деревни, а туда же, к самому принцу.

Особенно доставалось от прачек. Они караулили меня в коридорах, толкали плечом, рассыпали мои вещи, когда я несла бельё. Мерзкие, противные, гадкие!..

– Эй, деревенщина, – шипели они. – Нечего тебе делать в восточном крыле. Не знавайся.

Я старалась не обращать внимания. Но иногда было обидно до слёз.

Мира осталась моей единственной подругой.

Мы виделись редко – у неё была своя работа в прачечной, у меня – при принце. Но иногда вечерами, когда Элиас уходил к брату, я спускалась на задний двор, где Мира разбила маленькую грядку у стены. Она сажала там травы – крапиву, ромашку, подорожник.

– Откуда ты это умеешь? – спросила я однажды.

– Бабка научила, – вздохнула она. – Пока жива была. Невелико уменье, а для души.

Грядка была крошечная, захудалая – в углу, между камнями, где почти не падал свет. Но Мира ухаживала за своими ростками, как за детьми.

Однажды я пришла и увидела, что грядка вытоптана. Даже нет, не так... Она была *растоптана*. Каждый стебелёк сломан, каждый лист содран. Земля раскидана. Мира сидела на корточках, держала в руках сломанную веточку мяты и плакала.

– Кто? – спросила я.

– Они, – всхлипнула она. – Старшие горничные. Я им помешала чем-то... Не знаю. Сказали, что нечего мне здесь сажать, что это не по статусу. Мол лучше бы цветы посадила, они хотя бы красивые...

Я посмотрела на растоптанные травы. На Миру, у которой не было ничего, кроме этой грядки. И мне стало настолько жаль её, что дрожали губы от сдерживаемых слёз.

– Пойдём.

– Куда?

– Покажу тебе одно место.

Я отвела её за библиотеку. Там была маленькая ниша, скрытая от посторонних глаз кустами шиповника. Земля там была мягкая, удобренная перегноем – я видела, как старый библиотекарь выбрасывал туда спитую заварку и очистки.

– Здесь, – сказала я. – Здесь они не найдут.

Мира осмотрелась. Глаза её заблестели.

– Ночью я буду сюда ходить, – прошептала она. – И днём, когда все обедают. Спасибо, Силена.

Мы пересадили уцелевшие ростки – их осталось всего пять. Я показала ей, как рыхлить землю, как поливать, не заливая корни. Мира слушала, кивала и всё спрашивала: «А это откуда знаешь? Откуда? Откуда?»

– Книги, – улыбнулась я. – Хочешь, и тебя научу читать?

Она посмотрела на меня с таким удивлением, будто я предложила ей стать королевой.

– А можно?

– Нужно. Приходи ночью в библиотеку.

Так у нас появился тайный сад. И тайные уроки.

Шли годы.

Я выросла. Руки мои огрубели от работы, но оставались тонкими. В зеркале я видела девушку с карими глазами и коричневыми волосами. Седую прядь я больше не прятала, как и сказал принц.

Мне уже четырнадцать, а Элиасу должно было исполниться тринадцать через две недели.

За четыре года я узнала о нём многое. Например, что он не выносит шума. Что он может просидеть над бумагами всю ночь, а утром выпить холодный чай и не заметить. Что он терпеть не может лесть. Что единственный человек, которому он доверяет – это его слуга Лирос.

Лирос был высоким, молчаливым, с длинным шрамом на щеке – от виска до подбородка. Он появлялся всегда неожиданно и исчезал так же. Он не разговаривал со мной, только кивал или качал головой. Иногда я ловила его взгляд – изучающий, как у Элиаса.

– Чего он хочет? – спросила я у Миры.

– Лирос? – Мира понизила голос. – Говорят, он принца с детства охраняет. Они вместе росли. Лирос его как брата любит. Никого к нему не подпускает.

– А меня?

– Тебя он терпит. Потому что принц тебя сам назначил.

Понятия не имею, радоваться этому или нет.

Библиотека стала моим вторым домом.

Я проводила там каждую свободную минуту. Камин в библиотеке топили даже летом, потому что старый библиотекарь мёрз. Я садилась в кресло у огня, раскладывала вокруг себя книги и читала.

Однажды я нашла стопку с надписью «Отклонённые указы». В них были копии указов, которые не прошли, с пометками «Отказано» и причинами.

Я пролиставала несколько страниц. Налог на торговлю шерстью – отказано. Указ о постройке новых колодцев в восточных провинциях – отказано. Налог на соль для бедных регионов – отказано.

Последний меня заинтересовал особенно, и я вчиталась.

«Снизить налог на соль в северных провинциях с 5 монет до 2 монет за мешок. Причина: население северных провинций не имеет доступа к морской воде, вынуждено покупать соль. Текущий налог делает соль недоступной для бедных слоёв».

Пометка: *«Отклонено. Возражение Советника: дефицит бюджета. Соль – основной источник дохода казны».*

А ниже – чей-то почерк. Размашистый, с завитушками.

«Советник, Вы трижды отклоняли этот указ. В третий раз я добавил аргумент: если мы не снизим налог, люди начнут вываривать соль из морской воды на юге и возить на север. На чёрном рынке. Без налогов. Мы потеряем больше, чем получим, пытаясь удержать цену».

Я замерла.

Этот почерк я видела на полях других книг. Размашистый, небрежный, красивый.

Наследный принц. Сильвиан.

Он пытался снизить налог. Трижды. И его отклонял Советник.

Я перечитала его заметку ещё раз. *«Люди начнут вываривать соль из морской воды»*. Он был прав. Я знала – в Кленовке мы покупали соль по цене, которая была неподъёмной. Если бы кто-то привозил дешёвую соль из южных провинций, мы бы покупали у него, а не у казны.

Но вдруг я помотала головой. При чём тут я? Я – служанка. Я не должна была этого читать.

Тогда я закрыла папку и убрала её на место.

Прошёл ещё год.

Я стала старше, увереннее. Элиас начал доверять мне бумаги – сначала простые, потом сложные. Я сортировала отчёты, проверяла счета, переписывала указы набело (мой почерк стал почти каллиграфическим – спасибо библиотечным книгам по чистописанию).

Однажды, когда я убирала в кабинете, с верхней полки упала тяжёлая книга. Толстый фолиант в кожаном переплёте, с медными уголками. Он рухнул прямо на Элиаса, который сидел за столом и не видел.

Не думая, я бросилась вперёд и заслонила его собой.

Книга ударила меня по плечу. Боль пронзила руку, и я вскрикнула, упав на колени. Фолиант с грохотом рухнул на пол, раскрывшись на середине.

– Ты... – начал Элиас. Он смотрел на меня расширенными глазами. Впервые я видела его растерянным.

– Жива, – прохрипела я, потирая плечо. Кость, кажется, не сломана, но завтра будет огромный синяк.

Он встал и подошёл ко мне. Помедлил, что-то обдумывая про себя. А потом вдруг обнял.

Осторожно, неуклюже, как будто не знал, как это делается. Его руки легли мне на спину, и он прижал меня к себе – на секунду, не дольше. Я чувствовала его дыхание у себя на макушке. Холодные пальцы коснулись моего затылка. Сказать, что я была в шоке – ничего не сказать!

– Не делай так больше. Поняла?

Я кивнула, уткнувшись носом в его рубашку. Сердце колотилось как бешеное. От боли, от неожиданности, от... чего-то ещё.

Он отстранился и отвернулся. Сел за стол и взял перо, делая вид, что пишет. Но я-то чувствовала, что под тканью участилось и его сердце тоже, чего он, почему-то, испугался.

– Убирайся.

И я ушла. Но весь день ходила сама не своя.

После того случая всё же что-то изменилось.

Он стал замечать мелочи. Если я простужалась, он велел топить камин в моей комнате (откуда он знал, где моя комната?). Если я пропускала обед, он оставлял на столе кусок пирога, прикрытый салфеткой.

Он всё ещё не разговаривал со мной. Но теперь я видела его заботу.

Однажды я принесла ему вечерний чай. Он сидел за столом, заваленный папками – налоги, отчёты, какие-то списки. На самом верху лежала знакомая бумага: «Указ о снижении налога на соль». Снова.

Я поставила чашку на стол, задержав взгляд на бумаге.

– Если поднять налог здесь, – сказала я, не подумав, – люди начнут вываривать морскую воду, и казна потеряет на монополии больше, чем приобретёт.

Элиас поднял голову.

– Что?

Я испугалась. Зачем я это сказала? Я служанка. Я не должна рассуждать о налогах!

– Простите, Ваше Высочество, – пробормотала я, пятясь к двери. – Я не...

– Стой, – сказал он. Голос был не громким, но я замерла. – Откуда ты это знаешь?

– Из книг. В библиотеке.

Он смотрел на меня долго и молча. Сердце потихоньку проваливалось в пятки, заставляя меня снова жалеть о своей несдержанности. Такими темпами, седых волос на голове станет больше (а может и уже). Тогда Элиас вновь уткнулся в бумаги. Мне всегда сложно понять, о чём он думает, но подобное поведение начало раздражать.

– Ступай.

И я ушла с улыбкой, которую пришлось натянуть скрепя зубами. На следующий день он велел мне прийти к нему в кабинет после обеда. Думать о том, что меня ждёт – надоело, а потому я просто повиновалась приказу.

– Будешь сортировать отчёты, – сказал он, не глядя. – Вот эти. Найди ошибки. Если найдёшь – доложишь.

Я. Сортировать. Отчёты. Я. Найти. Ошибки. Спорить, конечно же, не стала. Но про себя отметила – целой ночи ему мало, чтобы прийти к правильному решению. Он же всю ночь думал об этом, а в итоге дал *мне* такую важную работу. Я молча взяла стопку. В ней были налоговые ведомости, списки сборов, балансы. Скука смертная. Но я перебирала, сверяла цифры, искала нестыковки.

И находила же! Вот это молодец, конечно!

Маленькие ошибки. Опечатки. Неправильные подсчёты. И всё докладывала ему.

– Хорошо, – говорил он. – Продолжай.

Так я стала его негласным помощником. Хотя формально я всё ещё носила передник и подметала полы.

Тем временем во дворце готовились к важному событию.

Элиасу исполнялось тринадцать лет. Несоввершеннолетие по местным законам – ещё не взрослый, но уже не ребёнок. И к этому дню должна была приехать княжна.

Я читала о ней. О княжестве Аскания – соседнем государстве, от которого зависело наше королевство. У них росла белладонна – растение, из которого добывали лекарство, спасающее тысячи жизней. Мы покупали его за золото.

Княжна Аскании – единственная наследница. По традиции, она носила вуаль с детства, которую мог снять только муж. Её жизнь была расписана по часам: когда вставать, что есть, с кем говорить. Даже дышать, наверное, по расписанию.

Её пророчили в жёны Элиасу. Брачный договор был подписан ещё пять лет назад.

Мира прибежала ко мне в прачечную (я помогала ей иногда, когда у самой было свободное время), глаза горят, косынка набекрень.

– Силена, а я кое-что слышала!

– Что? – я развешивала простыни.

– В прачечной сегодня прачка из княжеской свиты стирала... Ну из тех, кого приставят к княжне, когда приедет. Она сказала, что старые поля, заросшие белладонной, уже давно никто не трогает. Фермеры боятся заболеть от белладонны.

– Логично...

– Но! По ночам туда ездят люди в чёрных плащах.

Я замерла с простынёй в руках и прищурилась.

– Зачем?

– А я откуда знаю? – Мира пожала плечами. – Но я подумала, может, это важно. Вдруг кто-то выкапывает там что-то запрещённое?

– Белладонна сама по себе запрещённая, – задумчиво прошептала я. – Она способна убить десятки людей за раз, если неправильно её...

Мы переглянулись.

– Никому не говори, – продолжила я. – Не будем лезть не в свои дела.

Мира кивнула, соглашаясь со мной. Для простых служанок, главным было – подготовиться ко дню рождения нашего *дорогого* принца.

В последние дни Элиас ходил мрачнее тучи. Он не разговаривал со мной вообще – только отрывистые приказы: «Подай», «Убери», «Уйди».

Я знала, почему. Княжна.

– Вы не хотите жениться? – спросила я однажды. Он сидел у камина, уставившись на огонь пустым взглядом.

Элиас не ответил. Только пальцы его, испачканные чернилами, сжались в кулак.

– Мне всё равно, – сказал он через минуту. – Это не моё решение.

– Но...

– Я сказал – всё равно.

Я замолчала. Но видела, как он мучается. Как каждую ночь не спит. Как смотрит на портрет княжны, который прислали из Аскании – девушка в густой красной вуали, не разглядеть лица. И смысл от такого портрета?

Он точно не хочет свадьбы, и почему-то это меня успокаивает... Но он никогда не скажет об этом прямо, а это меня расстраивает.

До дня рождения оставалось три дня.

Я готовила его комнату к празднику – чистила серебро, перебирала гардероб, помогала портному примерить новый камзол. Элиас стоял на стуле, расставив руки, и терпеливо сносил булавки.

– Ещё чуть-чуть в плечах, – бормотал портной, тыкая в него иголками. – Ваше Высочество растёт не по дням, а по часам.

Элиас молчал, что было абсолютно привычно.

Тогда в дверь постучали – резко и требовательно. Элиас кивнул, и я поспешила открыть.

На пороге оказался наследный принц. *Сильвиан*.

За четыре года я видела его нечасто. Он был занят – то разъезды по провинциям, то заседания Совета, то охота. В отличие от Элиаса, он улыбался. Всем и всегда.

Но почему-то не сейчас.

Блондинчик сильно изменился. Волосы всё такие же длинные, до самого пояса, и заплетены в тугую косу. Очки в серебряной оправе блестели при свете свечей. Он возмужал, плечи стали шире, в движениях появилась уверенность. Эх, красивый... Взгляд не оторвать. Но сейчас его лицо было бледным, а под глазами залегли тени.

– Брат, – сказал он, не замечая меня, – ты один?

– Почти, – Элиас кивнул на портного. – Уйди, Лирос потом дошьёт.

Лирос и такое может? Ну ничего себе... Портной поклонился и выскользнул. Я тоже попятилась к двери.

– Силена, останься, – сказал Элиас. Это было неожиданно. *Очень*. Я замерла, ожидая приказа.

Сильвиан внимательно посмотрел на меня. И вдруг улыбнулся – той самой улыбкой, от которой «все девки млеют».

– А ты выросла, – сказал он. – Я помню тебя маленькой, в грязной рубаше. А теперь – настоящая барышня.

Смушение прилило к щекам, и я покраснела. Не от комплимента, а от неловкости. Он говорил так, будто мы знакомы тысячу лет. А на деле-то... Я даже забыла, как голос его звучит.

– Спасибо, Ваше... Высочество, – ответила я. Хоть он уже и управляет делами сам, не опираясь на Советника... Всё-таки у того осталось сильное влияние при дворе, и принц не может сейчас полностью вступить в права Короля.

– Брат, что-то случилось?

Сильвиан перестал улыбаться. Он подошёл к окну и встал спиной к нам. Я видела, как напряглись его плечи.

– Княжна не приедет, – сказал он тихо.

– Что? – Элиас соскочил со стула. Мне показалось, или я увидела в его лице радость?..

– Её убили по дороге.

В комнате стало тихо. Так тихо, что я слышала, как тикают часы на камине.

Глава 4

Из личного дневника Силены.

Мне было семь лет, когда по деревне прошёл слух: в усадьбе барина поселился мальчик. Не то племянник, не то внук, который умеет читать. Представляете? Читать!

Я видела книгу только раз. У попа в церкви – огромная, в кожаном переплёте, на цепях, чтобы не украли. А тут – мальчик, который умеет читать.

Ох и долго я приставала тогда к матушке, чтобы отпустила меня в усадьбу:

– Ну матушка, ну пожалуйста!

Отец только усмехался в бороду:

– Чего тебе там, непутё? Не барыня. Тебе пахать – не в книжки смотреть.

Но матушка, сама неграмотная, всегда смотрела на книги как на что-то недосыгаемо прекрасное. Может, поэтому она и разрешила.

– Пусть идёт, – сказала она отцу. – Может, и наших научат, коли добрые люди.

И я пошла.

Усадьба стояла на взгорке, обнесённая невысоким забором из тёсаных брёвен. Внутри – барский дом, конюшня, людская, а вокруг – сад, запущенный, заросший, но всё равно красивый. Я подошла к воротам и замерла. Сердце колотилось как бешеное. Я не знала, как мне быть: позвать? постучать? зайти без спроса? Отец учил, что без спроса нельзя, прибьют – не пожалеют.

Я уже собралась уходить, когда из-за угла выбежал мальчишка. Моих лет, может, даже чуточку помладше. Белые волосы, худой, с острыми коленками и веснушками, густо рассыпанными по лицу.

– Ты чего стоишь? – спросил он, настороженно глядя на меня.

– Я... – язык прилип к нёбу. Обычно я молчать-то не умела, а тут вдруг онемела. Вот это да, сама не ожидала. – Я глянула бы на книги, – выпалила наконец. – Сказывают, у тебя книги есть. И ты читать умеешь.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, а потом кивнул.

– Меня Арином зовут. А тебя?

– Силена.

– Силена, – повторил он, как будто пробуя имя на вкус. – Странное имя.

– Грубить плохо, – пожалала я плечами. – Матушка так говорит.

Он улыбнулся, и я вдруг почувствовала, что бояться больше нечего.

Арин привёл меня в маленькую комнату во флигеле – там, где жил он со своим братом, которого я так ни разу и не встретила, и женщиной – бариновой племянницей, тихой и больной, которая почти не выходила на свет. Комната была тесная, но посреди неё стоял сундук, а в сундуке – боже мой, у меня аж перехватило дыхание – лежали книги.

Я никогда не видела столько книг в одном месте. С десяток. Некоторые толстые, в коже, с застёжками. Другие тонкие, в бумажных обложках, потрёпанные. А одна вообще! Красная такая, с золотым тиснением. Она даже на солнце переливалась!

– Потрогать можно? – спросила я шёпотом.

– Можно, – улыбнулся Арин. – Они для того и есть.

Я провела пальцем по корешкам. Кожа была прохладная и гладкая, страницы шершавые, пахли клеем, чернилами. Мне казалось, что каждая книга – это как сундучок, полный сокровищ. Но чтобы их открыть, нужно знать волшебные слова. И эти слова – буквы.

– Научишь меня?

– Я и сам не очень, – признался Арин. – Только учусь читать.

– Всё равно. Научи-и-и.

И знаете что? Он научил.

Каждую неделю я бежала к усадьбе. Дворовые уже знали меня, пропускали без спроса – «опять эта болтушка пришла», качали головами, но улыбались. Я садилась рядом с Арином на лавку, и мы учили буквы.

И можете себе представить мою реакцию, когда я наконец сложила первое слово – «МАМА»?

– Мама! Мама! Я прочитала! МАМА!

– Тихо ты, – засмеялся он.

Через месяц я уже читала по слогам. Ещё через два – почти бегло, хотя запиналась на длинных словах. Тогда Арин начал читать мне вслух, а я слушала. С открытым ртом, забыв дышать, с глазами такими большими, что матушка говорила – «выкатишь на лоб и не вкатишь обратно».

Он читал мне про героев, которые сражались с чудовищами. Про принцесс, спящих в хрустальных гробах. Про далёкие страны, где трава растёт синяя, а птицы говорят человеческим голосом. Про королей и рыцарей, про коварство и любовь, про то, как добро побеждает зло – не всегда легко, не всегда без потерь, но побеждает.

У меня сердце разрывалось от этих историй. Я плакала, когда кто-то погибал. Трясла Арина за рукав, когда ему нужно было остановиться на ночь:

– Ну ещё немножечко! Ну ещё страничку! Ну что там дальше?

Он смеялся, закрывал книгу и говорил:

– Завтра. Всему своё время.

Но однажды он пришёл с красными, распухшими глазами, с носом заложенным, с трясущейся губой. Я никогда не видела его таким – Арин всегда был собранным, спокойным, даже когда мы с ним спорили о любимых персонажах.

– Что случилось? – спросила я, и сердце неприятно ёкнуло.

– Мы уезжаем. Я... Прости, нам нужно... Прости. – Он отвернулся и вытер лицо уже промокшим рукавом. – Я не хочу. Силена, я не хочу бросать тебя, но...

Тут уже и я заплакала. Слёзы потекли сами собой – я пыталась их удержать, морщилась, кусала губы, но они текли и текли, горячие и солёные, и капали на мою рубаху. Мы стояли друг перед другом, и ревели, как будто случилось непоправимое горе.

– Возьми меня с собой, – сказала я.

– Нельзя, – покачал он головой. – Твои родители.

– А книги?

Он помолчал. Потом вытер лицо, раз, другой, глубоко вздохнул и полез за пазуху.

– Вот, – сказал он, протягивая мне книгу. Ту самую, красную, с золотым тиснением. – Это тебе.

– Нельзя, – ахнула я. – Это же... это же твоё.

– Пусть хоть что-то от меня останется на память тебе, – горько усмехнулся Арин. – Возьми. Пожалуйста. Читай. Читай и вспоминай меня.

И я взяла её трясущимися руками.

Домой я пришла с опухшим лицом, красным носом и книгой, прижатой к груди. Матушка всплеснула руками, отец нахмурился, но когда я рассказала, отец только тяжело вздохнул, почесал затылок и сказал:

– Оставь. Пусть будет.

Он понимал, что значит – остаться без друга. Сам друзей не имел – работа с утра до ночи не располагает к дружбе.

Так и осталась у меня одна единственная книга, прочитанная мной от корки до корки сто раз, наверное. Я могла пересказывать любую историю слово в слово, с интонациями Арина, с его паузами, с его смехом в самых смешных местах. Но я всё равно читала.

А потом я стала искать другие книги.

В лесу, куда я часто ходила вместе с Мартой за травами, был овраг, обрывистый, глубокий, с глинистыми стенами. В том овраге крестьяне иногда сбрасывали мусор – не самый хороший обычай, но кто им укажет? И однажды, пробираясь за черникой, я увидела в грязи книгу.

Мокрую, разбухшую, с размокшими страницами, покрытую травой и чернозёмом. Дома я сушила её на печи, переворачивала каждый лист, расправляла смятые углы. Вышло не очень – половину текста размыло, буквы поплыли. Но что-то можно было прочитать. Это была какая-то хозяйственная книга – про то, как сеять рожь, когда высаживать капусту, как лечить скотину. Было скучно, но главное – учиться читать дальше.

Через год я нашла ещё одну. Упавшую с телеги, наверное, – лежала на обочине дороги, ведущей в город, заляпанная грязью, оторванный переплёт. Я подобрала. Это была кулинарная книга. Тоже наполовину испорченная, но я научилась по ней готовить.

Была ещё одна, найденная в заброшенном доме на краю деревни, где раньше жил какой-то пришлый мастерской – говорят, он умер в лихорадке, и никто его вещей не тронул. Я пробралась туда, сама не своя от страха, но книга манила меня сильнее, чем пугал мёртвый хозяин. Это оказались записки путешественника – про какие-то заморские земли, про океаны и корабли. Я не всё понимала – много слов было незнакомых, но я додумывала, догадывалась, представляла.

Книги были моим окном в мир, который был больше нашей Кленовки. Мир, где можно было быть кем угодно – принцессой, воином, колдуньей. Мир, где смерть была не всегда концом, а любовь – не всегда наградой.

Глава 5

Я не спала третьи сутки.

Сначала накатила жуткая паника, когда Сильвиан сказал: «ты заменишь княжну», у меня в ушах зашумело, а пол под ногами поплыл. Я тогда даже не нашла, что ответить. Просто стояла и хлопала глазами, как бессильная рыба на берегу.

Потом был шок.

А теперь – бешеное, всепоглощающее желание сбежать.

В ту ночь пришла служанка княжны. Она ворвалась в кабинет Элиаса через час после того, как Сильвиан ушёл проверить, остался ли кто живой из сопровождающих княжны.

Девушка была лет восемнадцати, худая, с красными от слёз глазами и трясущимися губами. Её платье было в дорожной пыли, косынка съехала набок, волосы растрепаны. Она упала на колени прямо посреди комнаты и закричала:

– Ваше Высочество! Пощадите! Я не виновата! Я не знала!

Элиас поднял голову от бумаг. Его лицо ничего не выражало, но я видела, как напряглись его пальцы, сжимающие перо.

– Встань, – сказал он. – И говори по порядку.

Девушка поднялась. Её потряхивало, и легко было заметить сильную нервозность.

– Мы ехали через Перевальный лес. Всё было тихо. Княжна читала в карете, как всегда. Она всегда читала, Ваше Высочество. С утра до ночи. У неё не было других развлечений...

– К делу, – холодно сказал Элиас.

– На привале мы остановились у ручья. Повар разогрел похлёбку. Ели все – княжна, её фрейлины, охрана, но я была не голодна и не стала... – Служанка всхлипнула. – Через час началась рвота, жар, судороги. Княжна умерла первой. Она была маленькая, слабая... Ей было всего тринадцать, Ваше Высочество. Она ни разу в жизни не выезжала дальше дворцового парка. Только на Ваш день рождения она должна была...

– Кто готовил еду?

– Повар. Но и он тоже умер, так что... – Она зарыдала в голос. – Я не знаю, за что! Княжна никому не сделала плохого! Она была такая тихая, такая послушная...

Элиас отвернулся к окну.

– Её лицо... ты видела её лицо? – спросил он.

– Княжна всегда носила вуаль. Даже когда спала. Это традиция, Ваше Высочество. Я никогда не видела её лица. Никто не видел.

– Голос? Походка? Привычки?

Служанка растерянно захлопала глазами.

– Она говорила очень тихо. Никогда не повышала голоса. Ходила всегда прямо, не глядя по сторонам. Читала по ночам – у неё была бессонница. Любила чай с бергамотом и не выносила громких звуков.

– Кто об этом знает?

– Все, кто был при ней. Но они мертвы. Я одна осталась, Ваше Высочество. Пощадите!

Ой как опрометчиво... Раз она одна выжила, то и подозрения падают на неё. Но Элиас молчал. Я же стояла у двери, прижимая к груди поднос, и не верила своим ушам.

Тогда в кабинет вернулся Сильвиан. Он смотрел на служанку, и лицо его выражало спокойствие – даже улыбка играла на губах. Что безумно странно в такой ситуации.

– Значит, – сказал он, – никто не знает, как выглядела княжна? Только ты?

– Да, Ваше Высочество. И её родители, но княжна не виделась с ними с раннего детства, и...

– Я понял.

– Что предлагаешь, брат? – спросил Элиас.

– Я предлагаю, – Сильвиан повернулся ко мне, – заменить княжну. Ею.

Я поперхнулась воздухом. И так каждый день боюсь сказать или сделать что-то не то, а тут *такое!*

– Чего?!

– Ты слышала, – он улыбнулся во все зубы. – Ты примерно одного возраста с ней. Начи-тана. Умеешь держать себя в руках.

– Вы с ума сошли! – выпалила я. – Я – служанка! Я не умею...

– С «умеешь держать себя в руках» я перегнул, но ничего. Научись. У тебя всё-таки неделя впереди.

– А волосы? У неё были какие волосы? И глаза! И фигура! Мы же разные!

– Княжна носила вуаль, – терпеливо объяснял Сильвиан, видя мою истерику. – По традиции, никто не видел её лица. Это закон их рода. Только муж сможет снять её.

– А голос? Походка? Привычки? Воспитание? – я уже почти кричала, и испугавшись собственного тона, заставила себя говорить тише. – Я даже вилку не умею правильно держать.

– А вот это мы исправим, – Сильвиан посмотрел на служанку. – Ты научишь её всему, что знаешь о княжне. Иначе твоя жизнь не будет стоить и ломаного гроша.

Служанка закивала и запричитала что-то благодарное. А я так и стояла там, замерев от шока. Во рту пересохло, в груди разрасталась паника, но это сейчас было самым меньшим из бед.

Я посмотрела на Элиаса, который стоял у окна, ко мне спиной, тоже что-то обдумывая. Я была уверена, что хоть он-то точно поймёт абсурдность ситуации.

– Ваше Высочество, – сказала я тихо. – Пожалуйста. Скажите ему, что это безумие.

Тогда Элиас неспешно повернулся. Его серые глаза оценивающе изучали меня ещё минуту, а после он тяжело выдохнул.

– Выбора нет, Силена. Княжество поставляет нам белладонну. Без неё мы не сможем создавать лекарства, и искать методы лечения той самой эпидемии. Аскания не простит убийства единственной дочери. Если мы не предоставим им живую княжну – будет война, в худшем случае.

– Но я не она!

– Ты будешь ею. – Он подошёл ко мне вплотную и аккуратно взял за плечи. Пальцы были ледяными, и то и дело слегка подрагивали. – Слушай. Я знаю, что прошу многого. Но если ты согласишься – наша страна будет спасена. А ты... ты получишь всё, о чём мечтала. Книги. Свободу. Безопасность. Уже в статусе *моей принцессы*.

От последнего сердце забилось сильнее, и совсем не от страха. Ведь как же это звучит приятно... *Его принцесса*. Но в глазах его читалась отнюдь не нежность, а страх. Не за себя, а за всех. Потому он и не отказывался от помолвки. От княжны зависит многое.

– Что будет, если я откажусь? – прошептала я.

– Мы вернём тебя в деревню. К новой семье. Ты будешь жить в бедности, работать в поле и вспоминать дворец как несбывшийся сон, – раздался бодрый голос Сильвиана. Сказано это было так буднично и спокойно, что я ахнула, замерев с приоткрытым ртом. – Или останешься здесь и станешь княжной, а после – принцессой. Тебя будет окружать роскошь, служанки, ты можешь забыть о работе и бедности. Всё время проведёшь среди книг.

Блондинчик как никто другой умеет бить по больному, давить на больное. Я действительно боюсь бедности, и всегда буду бояться. Но даже в таком случае, это безумие!

– Как Его Высочество может жениться на безродной? Это неправильно...

– Ты больше не будешь безродной – это раз. А во-вторых, до совершеннолетия Элиаса времени полно, можем и придумать что-то к тому времени. Если вдруг всё-таки не захочешь выходить замуж за него и тогда.

Принцесса. Я, Силена из Кленовки, дочь плотника и ткачихи, девочка с седой прядью от пережитого ужаса. Стану женой того, кто, возможно, замешан в уничтожении деревни.

Я закрыла глаза. Мыслей было слишком много, и с каждой секундой становилось всё тяжелее справиться с ними.

Моего ответа или одобрения, конечно же, не требовалось. А потому я просто поклонилась и вернулась в каморку, и просидела в ней до самого утра, обхватив колени руками. Свеча догорела, в окно пробивался лунный свет. Я смотрела на звезды и думала обо всём случившемся, так и не познав покоя.

Меня переселили на следующий же день.

Покои для княжны находились в восточном крыле, рядом с комнатой Элиаса. Я никогда не заходила туда – только мыла полы в коридоре. Теперь же дверь открыли и для меня. Не могу сказать, что сильно рада этому.

Кровать была огромной – с балдахином из красного шёлка, расшитого алыми нитями. На стенах – гобелены с замками и цветами белладонны, обвивающими всё вокруг. Пол устилал мягкий ковер, в который утопали ноги. В углу – мраморный камин, уже растопленный, с резной решёткой. На столике – серебряный гребень, щётки с натуральной щетиной, флаконы с духами.

Я подошла к шкафу и открыла его.

Платья. Десятки платьев. Шёлк, бархат, парча. Алые, синие, зелёные, розовые – на любой вкус. Я провела пальцем по ткани... какая же она мягкая.

– Нравится? – услышала голос сзади.

Я обернулась. Блондинчик стоял в дверях, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди. Он улыбался, как обычно, будто бы никто не умер и ему не предстоит скрыть огромный секрет от дружеского княжества.

– Я никогда не видела столько... всего.

– Привыкай. Ты теперь княжна.

Неуверенный взгляд встретился с его, спокойным и вполне довольным.

– А если у меня не получится?

– Получится, – он подошёл ближе, встал напротив. – Ты умная. Быстро учишься. И ты похожа на неё... Она тоже любила книги.

– Но ведь...

– Выбора нет, – он коснулся пальцем моей седой пряди. Я дёрнулась, но принц не убрал руку. – Это твой шанс заявить о себе.

Сильвиан развернулся и вышел. А я так и осталась стоять посреди роскошной комнаты, сжимая в кулаке подол грубого серого платья, и чувствовала, как сильно колотится сердце.

Обучение началось на следующее утро.

Служанку княжны звали Нира. Она ходила с вечно испуганными глазами, чему я не удивлена, конечно. Если я провалюсь – её убьют первой.

– Ваше Сиятельство, – начала она, и я вздрогнула от обращения. – Княжна всегда завтракала в постели. Чай с бергамотом и сухарик. Она вставала поздно, потому что плохо спала по ночам.

– У меня тоже бессонница, – буркнула я. – Это не проблема.

– Она никогда не повышала голоса. Даже когда злилась. Она говорила очень тихо, и все вынуждены были прислушиваться.

– Я привыкла говорить громко.

– Придётся переучиться, – Нира вздохнула. – Она ходила плавно, не размахивала руками. Никогда не бегала. Смотрела прямо перед собой, не вертела головой.

Я попробовала пройтись по комнате. Руки не слушались, ноги заплетались. Чувствовала себя деревянной куклой, и ощущение, будто я просто бездарность, разливалось по телу.

– Плохо, – сказала Нира. – Очень плохо.

– Спасибо за поддержку, – огрызнулась я.

– Ваше Сиятельство, княжна никогда не огрызалась, – Нира поджала губы. Вид её выказывал теперь уже сомнение.

Я нервно закатила глаза и тут же себя одёрнула, ведь княжна, наверное, не закатывала глаза.

После завтрака были танцы.

В большой бальной зале меня ждал учитель – дедушка какой-то в обтягивающих штанах. Зрелище забавное. Особенно когда он показывал мне походку от бедра... И как мне всё-таки воспринимать его наставником? Он хлопал в ладоши, отсчитывая ритм, и заставлял меня делать реверанс снова и снова.

– Глубже, Ваше Сиятельство, глубже! Спина прямая! Руки как у лебедя!

Ой, Боже мой, у меня всё болело. Спина, ноги, шея. Я ненавидела эти танцы. Я ненавидела этот реверанс. Я ненавидела учителя, который смотрел на меня так, будто я дешёвая подделка. С этим, конечно, поспорить было сложно... В общем, спустя пару занятий, забавным дедушкой он казаться перестал.

Потом была история. Мне нужно было выучить генеалогическое древо Аскании до седьмого колена. Имена, даты, браки, смерти. Моя голова шла кругом.

– Вы должны знать это лучше, чем свою семью, – сказала наставница, строгая женщина в очках. – Если спросят о ком-то из предков, Вы не можете запинаться.

– Я свою семью и так уже плохо помню.

Наставница посмотрела на меня с недоумением, но переспрашивать не стала.

После обеда – этикет. Как сидеть, как вставать, как держать вилку, как передавать блюдо, как наливать чай. Я чувствовала себя обезьянкой в цирке. Каждое движение – на счет «раз-два-три».

– Вы едите как крестьянка, – сказала наставница, когда я, забывшись, отхлебнула суп прямо из тарелки. – Ложку держите иначе. И не чавкайте.

Я покраснела до корней волос. Вернее, до того, что осталось от моих каштановых волос – накануне вечером их выкрасили в белый, и я стала бояться, что они выпадут ещё до моего выхода в свет.

Процедура была мучительной. Мне вымыли голову какой-то едкой жидкостью, потом нанесли белую пасту, потом снова смыли. Кожа чесалась, глаза слезились. Но когда я посмотрела в зеркало – ахнула.

Я была похожа на Элиаса. Такие же белые волосы, такие же светлые брови. Только глаза – карие, а не серые.

– Теперь Вы – княжна, – сказала парикмахерша. – Никто не усомнится.

Я не была в этом так уверена.

К концу третьего дня я решила сбежать.

Не потому, что было трудно. Я привыкла к труду. А потому, что меня трясло от страха каждый раз, когда я смотрела в зеркало. «Ты самозванка, – шептал внутренний голос. – Тебя раскроют. И тогда тебя казнят. И Миру, наверное, тоже. И Ниру. И всех, кто знал».

Ночью, когда коридоры опустели, я открыла дверь своей комнаты и выскользнула в темноту.

Я знала путь к заднему двору – через кухню, через кладовые, через прачечную. Если пройти незаметно, можно вылезти в окно и оказаться у конюшен. А там – лес. А в лесу – свобода.

Я уже дошла до кухни, когда зажегся свет.

Сильвиан стоял в дверях, загораживая проход. В одной руке – свеча, в другой – книга. Глаза сквозь линзу блестели интересом, а коса его, перекинута через плечо, мирно вздымалась в такт его дыханию.

– Куда-то собралась?

И я замерла. Признаться? Трусихой посчитает... Хотя какая разница вообще?.. Но нет, он как-то дал намёк, что в случае моего неповиновения, ответственность будет нести и Мира. Гад белобрысый!

– Прогуляться, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– В таком виде? – он кивнул на мою ночную рубашку. – Не замёрзнешь?

– Это не Ваше дело.

– Ещё как моё. – Он шагнул ближе, а я попятилась назад. – Ты – наша надежда, Силена. Если ты сбежишь – будет беда.

– Я не подписывалась на это! Меня никто не спрашивал! Меня просто поставили перед фактом: или ты будешь княжной, или мы вернём тебя в нищету!

– Да. – Он не спорил. – Прости. Но другого выхода нет.

Раздражает меня уже это «выбора нет, выхода нет»... Господи, ну за что?!

Он крепко взял меня за руку, и я попыталась вырваться – не смогла. Он был гораздо сильнее.

– Пойдём. Я провожу тебя обратно.

Я шла за ним, уставившись в пол, и ненавидела себя за то, что не могу сопротивляться.

На следующую ночь я попыталась снова.

На этот раз – через балкон. Моя комната была на третьем этаже, а под окном рос старый дуб, ветки почти касались перил. Я накинула плащ, отодвинула засов и вылезла наружу.

Ветка скрипнула под ногой, но выдержала мой вес. Я перехватила за следующую, спустилась ниже – и тут чья-то рука обхватила мою талию. Крепкая хватка тянула к себе, не давая и шанса на высвобождение.

Я вскрикнула, но тут же замолчала, чтобы не привлекать внимание к побегу... Точнее, к его жалкой попытке. Меня дёрнули назад, прижимая к чему-то тёплому и твёрдому. И не стыдно же собственную невестку так близко держать?

– Беспечная, – услышала голос у самого уха. Сильвиан стоял на балконе второго этажа, и держал меня так, что я не могла пошевелиться.

– Отпустите! – зашипела я.

– Если я тебя отпущу – ты упадёшь и сломаешь шею, – спокойно ответил он. – А мне нужна живая княжна.

Я задыхалась от злости и беспомощности, но почему-то загорелись щёки. Его дыхание было тёплым, близким. Не могу же я чувствовать что-то к человеку, который старше меня на 4 года?

Он переставил меня на пол балкона и подтолкнул к выходу.

– Идём обратно, – велел он.

И я пошла. Куда деваться-то теперь? А он следом.

– Спать. Утром у тебя этикет.

Я хотела сказать что-то злое, но он уже ушёл, скрывшись в темноте коридора. Гад белобрысый.

К пятой ночи я выдохлась.

Уроки шли с утра до ночи. Я научилась ходить, не размахивая руками. Научилась говорить тихо и спокойно. Выучила всех предков княжны – тётя Мелисандра, дядя Теодор, прадед Эдвиг, который сражался с драконами (или с соседями, я уже запуталась в этих небылицах и легендах). Научилась танцевать павану⁴ и менуэт⁵.

Но внутри меня всё равно сидел страх. Неконтролируемый и отчаянный. Я не знала, что мне делать. В голове ежесекундно всплывали противоречия, к какому бы решению я не пришла. Сбегу – найдут, в любом случае. А там уже и сделать могут что угодно. Так ещё и Миру потяну за собой... Останусь – могут вычислить, что я – фальшивка. Тогда убьют и меня, и Ниру. О Господи... В любом случае – смерть?

Я вышла в сад за библиотекой.

Ночь была лунной, светлой. Трава под ногами – мягкая, влажная от росы. Я разулась и побрела босиком, чувствуя, как земля холодит ступни. Хорошо. Спокойно.

Легла прямо на траву, раскинув руки и стала смотреть на луну среди мерцающих звёзд. Она была большая, жёлтая – как блин, который пекла мама по воскресеньям. Эх, как бы мне хотелось его попробовать снова... Появилось дикое желание достать луну, и я потянулась пальцами ввысь. Но она недосягаема, как и некоторые наши желания.

– Ты опять сбежала? – раздался раздражающий, довольный голос. Понравилось преследовать меня? Как же он вечно узнаёт, где я? И что, дел в королевстве нет совсем, что за мной как нянька бегают?.. Хотя логично, в принципе... Сейчас разобраться с делом «княжны» куда важнее любых других.

Обдумывая всё это, я и не заметила, как Сильвиан сел рядом. А затем лёг на траву, положив руки под голову. Волосики промочить боится. Мы молча лежали рядом некоторое время, и чтобы не думать о гаде, портящем спокойную обстановку, я стала считать звёздочки. Но как же так вышло, что я не смогла подавить нарастающее желание рассказать о переживаниях хоть кому-то?..

– Так устала... Не могу больше учиться.

– Понимаю, – послышался тяжёлый вздох рядом. – Но...

– ...выбора нет. Знаю я, знаю уже.

Я повернула голову и посмотрела на него.

Нежный свет луны обнажал очертания лица принца, делая его ещё привлекательнее. Белые волосы разметались по траве, а очки были сдвинуты на лоб. Глаза были закрыты, и я видела, как подрагивают ресницы.

– Вы похожи на статую, – сказала я.

Он усмехнулся, обнажая зубы, и повернулся на бок. Открыв глаза, он оперся на локоть и взял прядь моих белых волос, пропустил между пальцами. Своих мало что-ли? У него такие же, и по цвету, и по длине...

– Тебе очень идёт, – сказал он тихо. – Ты была красива с каштановыми. А с белыми – как снежная королева из сказки.

Я тихо рассмеялась, но не отдёрнулась от его касания.

– Какая из меня снежная королева? Я же служанка.

– Ты – княжна, – поправил он. – Запомни это.

– Почему Вы не выберете кого-то другого? Не верю, что во дворце не нашлась бы другая начитанная служанка моего возраста.

⁴ Павана (итал. pavana) – торжественный медленный танец, распространённый в Европе в XVI веке.

⁵ Минуэт (фр. menuet) – бальный танец. Состоит из поклонов и реверансов, маленьких шагов, изящных поз. Назван так из-за мелких движений (па).

– Мы не занимаемся образованием слуг, а искать кого-то времени нет. К тому же, я верю в тебя. И... ты напоминаешь мне меня, когда я был маленьким.

– Вы были маленьким? – Мои глаза удивлённо расширились, и это позабавило блондинчика. Он легонько стукнул меня по лбу и отвернулся, снова ложась на влажную траву. Бедные прачки... По себе знаю, как тяжело отстирывать грязь и зелень от растений.

– Отдыхай. Завтра будет трудно.

Очень обнадеживает... Я закрыла глаза, не став ничего отвечать. Трава пахла свежестью и придавала сил, а рядом был принц. И впервые за эти дни мне не хотелось сбегать от него.

Через неделю состоялась примерка платья.

Я стояла перед зеркалом в красном шёлке, с вуалью на лице, и не узнавала себя.

Белые длинные волосы, бледное лицо от постоянного недосыпа и стресса, серьёзные карие глаза. Я похудела ещё больше, талия стала осиной. В этом платье я выглядела как кукла.

– Красиво, – сказала Мира, которая помогала одевать. Она была единственной, кто знал правду. – Ты настоящая принцесса, Силена.

– Княжна, – поправила я машинально.

– Княжна, – покорно повторила Мира. Но я видела в её глазах страх. За меня. За себя. За всех нас.

– Не бойся, – сказала я ей. – Всё будет хорошо.

Я врала... И *врать* уже научилась. Вот как влияет общество блондинчика!

Вечером ко мне пришёл Элиас.

Он стоял в дверях, с красными глазами – не спал, наверное, тоже. Хоть что-то никогда не меняется.

– Ты готова?

– Нет.

Он кивнул. Сел на край кровати и положил руки на колени.

– Я буду рядом, – сказал он. – Если что-то пойдёт не так – я помогу.

– Откуда такая забота? Ты же никогда...

– Ты не чужая, Силена, – перебил он. – Ты моя... Не служанка уже. Возможно, друг. Я не позволю тебя убить. Поняла?

Я согласно кивнула. Слова Элиаса придали мне каплю уверенности и спокойствия... Мог сказать это всё сначала? Может, я бы так не переживала каждый день.

– Лилия. С сегодняшнего дня ты – княжна Аскании Лилия.

– Можете...

– Что?

– Назвать меня в последний раз моим настоящим именем?

Он оглядел меня опечаленным взглядом и встал. Значит, больше нельзя даже вспоминать моё имя?.. Грусть окутывала всё тело, и я не могла бороться с этим. Элиас подошёл к двери и остановился.

– Спокойной ночи, *Силена*, – сказал он и, готова поспорить, он улыбнулся!

– Спокойной ночи. – Довольно произнесла я и присела в реверансе. Брови Элиаса поползли вверх, а взгляд излучал благодарность и... восхищение.

Он одобритительно кивнул и вышел. Я же осталась одна в своей роскошной комнате, среди шёлка и бархата, с белыми волосами и чужой судьбой на плечах.

Завтра я должна была стать Лилией.

Или умереть.

Глава 6

Из личного дневника Силены.

Мне исполнилось восемь лет в апреле, как раз когда цвела черёмуха. Запах у неё был такой сладкий, что кружилась голова, а в деревне говорили: «Черёмуха цветёт – к холодам». Но в тот год случилось кое-что похуже каких-то там морозов.

Помню, как всё началось. У соседа заболела дочка, маленькая Виана. Вроде ничего страшного – жар, зуд, тошнота. Но Виана не поправлялась. Через неделю она умерла. Матушка рассказывала: мать девочки, Арина, всю ночь выла от горя.

Потом заболел дед Ридон. Старый, ему уже где-то за семьдесят – его болезнь сперва никого не удивила. Но за Ридоном слегла Арина. За Ариной – её сестра. За сестрой – муж её, Игнат, здоровый мужик, каких поискать.

К концу второй недели в деревне не осталось дома, где бы кто-то не кашлял кровью. Кашель был страшный, надрывный, и чем дольше тянулся, тем отчётливее слышалось в нём что-то влажное, булькающее.

Матушка сразу догадалась. Она помнила, как в детстве, в соседней губернии, был такой же мор.

– Неужели это?.. – прошептала она, побелев. – Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй.

Отец пытался успокоить её.

– Авось пройдёт, Авось не та болезнь. Может, обычная простуда.

Но это не была простуда.

Марта приходила к нам каждый день.

– Не пейте сырую воду, – говорила она. – Только кипячёную. Не ешьте сырых овощей. Лук ешьте, чеснок, еловые лапы над дверьми повесьте, окуривайте избу можжевельником.

Она рассыпала по углам сушёную полынь, вешала пучки зверобоя. Сама она, кажется, не боялась – или боялась, но не показывала. Только лицо у неё стало ещё более осунувшимся, а глаза – ещё грустнее. Видать, искала методы лечения, да не удавалось.

– Марта, а ты знаешь, чем лечить эту болезнь? – спросила я у неё.

– Не знаю, – сказала она негромко, – Но слышала, что в городе есть лекари, и... Хм, нет, нам, деревенским, дорога туда заказана. Лекари за деньги лечат. А наших денег даже на похороны не хватит.

Власти ничем не помогли. Из уезда приезжал один раз становой пристав с писарем, посмотрел на заболевших, перекрестился и уехал – сказал, что доложит. Больше мы его не видели. Батюшка ходил по домам, соборовал умирающих, давал причастие. Его самого уже тошнило на третьей неделе, и жена его, матушка Анфиса, плакала, но святой отец говорил: «Мой долг быть с паствой⁶ до конца». Он и был, поистине святой. Но умер следующим по счёту.

Я не болела. Меня не брала болезнь. Отец и матушка пока держались, но я видела: отцу становилось всё хуже. Он кашлял по ночам, глухо, в подушку, чтобы мы не слышали. Но, увы, всё я прекрасно слышала. Я спала чутко, как зверёк, и каждый шорох в ночи заставлял моё сердце биться быстрее.

На следующей неделе болезнь унесла уже полдеревни. Хоронить было некому – хоронили соседи, если сами могли стоять на ногах. Плакать было некогда взрослым, плакали только дети. Но и их оставалось мало – большинство ушло в первую очередь.

А потом случился обвал.

⁶ Паства — это верующие, которые принадлежат к конкретной религиозной общине и участвуют в её жизни.

Это случилось в конце мая. Месяц был жаркий, сухой – такого не помнили даже старожилы. Река Снежная обмелела так, что её можно было перейти вброд, вода стала зелёной и неприятной. Земля пересохла, потрескалась. Скот мучился от жажды. А по ночам откуда-то из-под ног доносился глухой гул.

– Не к добру это, – сказал отец, прислушиваясь. – Не к добру.

Но он не успел объяснить – к чему.

Мы с матушкой были дома, когда всё началось. Я сидела на лавке с книгой – той самой, красной. Матушка ткала за станком; монотонный стук челнока меня успокаивал.

Сначала раздался звук, похожий на раскат грома. А потом всё пошло ходуном.

Матушка вскрикнула, станок опрокинулся. Книга выпала у меня из рук. Я попыталась вскочить, но пол под ногами качнулся, и я упала. Посыпалась посуда – горшки с полок попадали на пол и разбились. Печка, наша большая, заходила ходуном, из её чрева посыпались искры и сажа.

– Мама! Мама!

Она уже была рядом. Схватила меня за руку, и рванула к двери. Мы выскочили на улицу, уже полную разрухи.

Земля ходила волнами, избы тряслись, а из их стен сыпались щепки и труха, крыши ползли вниз. Что-то трещало, ломалось, громко падало. На дороге валялись люди – кто молился, кто кричал, кто просто смотрел пустыми глазами в небо. А потом раздался треск, и холм, у которого стояла наша деревня, начал сползать вниз.

Я не знаю, как это объяснить. Я была ребёнком, и ничего не понимала в этих земляных делах. Но я точно видела, как дома, один за другим, проваливаются куда-то под землю. Я видела, как люди падают в эти трещины, исчезают, и их голоса обрываются на полуслове.

– Бежим! – крикнула матушка, и я успела лишь подхватить книгу, по пути пряча её под одежду.

Она потащила меня за собой – туда, где дорога шла вверх, на скалу. Мы бежали, спотыкаясь, падая, но поднимались снова. Я чувствовала, как земля уходит из-под ног, как камни сыплются вслед за нами, как кто-то сзади кричит, плачет, зовёт на помощь.

Мы добежали до скалы. Матушка подтолкнула меня вверх, на выступ, и я вскарабкалась, цепляясь ногтями за мокрый камень. Но тут же земля под матушкой просела.

Когда я обернулась, она уже стояла по колено в какой-то чёрной жиже, похожей на горючую смесь, которую я видела у кузнецов. Руки мамы были протянуты ко мне.

– Силена! – крикнула она. – Беги! Беги, доченька!

– Мама! Мама, я тебя вытащу!

Я потянулась к ней, но она уже уходила вниз. Жижка поднималась к её поясу, к груди... Или же, наоборот, мама погружалась вниз. Она не кричала, а лишь смотрела на меня, и в глазах виднелась такая любовь... Она боялась только за меня.

– Беги! – повторила она. – Я тебя прошу!

А потом я увидела отца.

Он выскочил откуда-то сбоку, с разбитой головой, в крови, но живой! Он бросился к матушке, ухватил её за руки и потянул на себя.

– Держись! – крикнул отец. – Держись, Аксинья!

И она держалась. Я видела, как напряглись мышцы на отцовской шее, как побелели его пальцы, сжимающие матушкины запястья. Медленно, по вершку, он вытягивал её.

Но потом из леса вырвался огонь, и расходился он как раз по такой же жидкости.

Я не знаю, откуда он взялся, та и не волновало меня это в тот момент. Пламя бежало по сухой траве быстрее, чем бежит человек, и пожирало всё на своём пути. Дым заволок небо, и дышать стало нечем.

Отец увидел огонь, а затем и матушка тоже.

– Бросай! – крикнула она ему. – Бросай меня, Ефим! Уводи девочку!

– Нет!

– Я прошу! – В её голосе было столько отчаяния, что у меня сердце рвалось от боли на части. – Живи для неё! Живи!

Но отец дёрнул её снова, и, о Боже мой, он вытащил маму! Родители упали на землю, грязные и мокрые. Я закричала от радости.

Но огонь был уже здесь.

Он пришёл стеной, не пройти, не проскочить. Узкая дорожка к скале, где стояла я, была свободна – но родители оказались отрезаны от меня. Пламя встало между нами, и я не могла пошевелиться. Сковало от ужаса.

– Беги наверх! – заорал отец. – Наверх, Силена! Мы найдём тебя!

Он соврал. Я знаю теперь, что соврал. Но тогда я поверила и, найдя в себе силы, побежала. Вверх по скале, карабкаясь на четвереньках, цепляясь за камни, ревя от страха и жара. Позади меня горела рожь в амбарах, солома на крышах. Я не оборачивалась. Не могла.

Наконец я добежала до верха и развернулась.

Внизу была деревня. Вернее, то, что от неё оставалось. Половина домов уже провалилась в землю, вторая половина горела. Люди метались, как муравьи в разорённом муравейнике, но их было всё меньше. Чёрная жижа текла по улицам, смешиваясь с кровью и пеплом.

Я искала родителей, и не находила... Но увидела кое-что другое.

На противоположной стороне оврага, на таком же скалистом выступе, стояли люди. Их было несколько – я насчитала шестерых или семерых. Они стояли неподвижно, и смотрели вниз.

– Помогите! – заорала я. – Помогите! Люди! Помогите!

Мой голос сорвался на писк. Я размахивала руками, прыгала на месте – меня было видно, наверное, хорошо, потому что я стояла одна на пустом утёсе, маленькая, в грязной рубаше, с растрёпанными волосами.

– Помогите! – снова крикнула я. – Моя мама! Мой папа! Они там!

Они смотрели. Эти твари смотрели на меня, я уверена. До сих пор помню их равнодушие. Холодное, страшное равнодушие.

И у одного из них – мальчика, что стоял в середине – я разглядела на поясе меч. Он сверкнул в лучах заходящего солнца, блеснул золотом рукояти, и почему-то именно эта деталь врезалась мне в память сильнее всего.

– Силена, – услышала я знакомый голос. – Силена, уходим. Бегом.

Марта. Живая, целая, с перепачканным сажей лицом и дикими глазами.

– Марта! – я бросилась к ней, обняла, вцепилась в домотканую юбку. – Мама... папа... они там... мы должны...

– Их уже нет, – сказала Марта. Тихо, спокойно, и от этого спокойствия у меня внутри всё сжалось.

– Как это – нет? Я только что видела! Они выбрались!

– Силена, – Марта взяла моё лицо в свои шершавые ладони. Я почувствовала запах дыма и крови на её руках. – Посмотри.

Она развернула меня обратно к деревне.

Огонь был везде. Он покрыл всё – дома, сараи, дороги, огороды. Чёрный дым поднимался до неба, закрывал солнце, и от этого вокруг стало сумеречно, будто наступили сразу и вечер, и ночь, и конец света. В деревне не было живого места. Там, где я в последний раз видела родителей, бушевало пламя, такое плотное, что сквозь него ничего не было видно.

– Они не могли выйти, – сказала Марта. – Я видела. Дым... он сбил их с ног. Они упали, и...

Их больше нет...

Их больше нет...

Их больше нет...

Я не закричала и не заплакала. Просто села на землю, прямо на горячие камни, и уставилась в одну точку. Все органы сжались в комок, и уже не от страха. Вероятно, это чувство – скорбь, которая окружала каждую клетку тела.

Марта наклонилась, подхватила меня на руки и понесла прочь от скалы. А я и не сопротивлялась. Только обняла её за шею, уткнулась лицом в платок и закрыла глаза.

Мы шли очень долго. Марта шагала быстро, хотя ей было тяжело – я чувствовала, как она устало дышит, как её сердце колотится у самого моего уха. Но она шла. Шла подальше от пожара, от дыма, от мёртвых.

Мы остановились только у старого дуба, на опушке, где начиналась настоящая чаща. Марта поставила меня на землю, сама прислонилась к стволу и долго стояла, запрокинув голову и закрыв глаза. Её грудь ходила ходуном, но она не плакала.

– Силена, – голос её был до сих пор чуть охрипший от дыма. – Слушай меня внимательно. Теперь я твоя семья. Ты будешь жить со мной. Я старая, бедная, но пока я жива – ты не пропадёшь. Поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.